

ЗАКЛЮЧЕНІЕ*).

Реакціонный публицистъ Катковъ, написавшій громовую статью по поводу суда надъ морозовскими стачечниками, назвалъ ихъ процессъ торжественнымъ вступленіемъ рабочаго вопроса на русскую почву. Мы всегда отстаивали интересы нашей промышленности, говорилъ онъ въ той же статьѣ, но если ея существованіе неразрывно связано съ такими вещами, то ужь лучше обходиться безъ промышленности**).

Недобрый человѣкъ былъ Катковъ, и если заслужилъ отъ кого-нибудь памятника, который собираются ставить ему на Страстномъ бульварѣ, то единственно отъ жандармовъ и чиновъ тайной полиціи, такъ какъ всегда дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы задавать имъ какъ можно больше работы, а слѣдовательно, и возможности получать побольше наградныхъ къ праздникамъ. Недобрый былъ онъ человѣкъ и не добра желалъ онъ русскому народу, но все же въ этомъ случаѣ не того онъ опасался, что рабочіе добьются уменьшенія штрафовъ и вообще улучшить свое положеніе. Не убытки фабрикантовъ его пугали и не безпорядки

*) По независимымъ отъ автора настоящей брошюры обстоятельствамъ, это заключеніе написано не имъ, а В. И. Засуличъ.

**) У насъ нѣтъ подъ руками номера „Моск. Вѣд.“, гдѣ была напечатана эта статья, но мы ручаемся за вѣрную передачу смысла.

сами по себѣ, — при еврейскихъ погромахъ безпорядковъ было несравненно больше, да и на фабрикахъ уже раньше случались и стачки, и безпорядки, оставлявшіе его спокойнымъ.

Умный, проницательный врагъ всякой свободы и горячій сторонникъ самодержавія, Катковъ испугался всего того, что придавало подробностямъ этой стачки культурный, европейскій характеръ: знанія и единства, внесенныхъ въ дѣйствія рабочихъ Мосеенко и Волковымъ, подробности котораго печатались во всѣхъ газетахъ, а главное, приговора присяжныхъ, которые оправдали рабочихъ, осудили тѣмъ самымъ не только фабриканта и ставшаго на его сторону губернатора, но даже заранѣе — осудили и арестъ оправданныхъ Мосеенко и Волкова. И Катковъ былъ правъ, опасаясь открытаго и безпристрастнаго судебного разбирательства всего касающагося до стачки. Такія разбирательства, публикуемая потомъ во всѣхъ газетахъ, могли быть вредны самодержавію и полезны рабочимъ во многихъ отношеніяхъ. Они могли бы мало-по-малу исполнить для рабочихъ часть того дѣла, которое потомъ, цѣною столькихъ жертвъ, совершилъ „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, т. е. могли бы показать рабочимъ одинаковость ихъ положенія и интересовъ и помочь выработать, путемъ опыта, наилучшій приѣмъ борьбы. Катковъ при этомъ всего больше опасался того, что революціонеры изъ образованной молодежи, читая о дружныхъ и энергическихъ усилі-

яхъ рабочихъ защитить себя отъ притѣсненій фабрикантовъ и насилій полиціи, увидятъ въ нихъ своихъ естественныхъ союзниковъ и соединятся съ ними. Такимъ образомъ, разрозненныя стачки и беспорядки превратятся въ „рабочій вопросъ“, въ постоянно растущее, объединенное рабочее движеніе, которое, раньше или позже, приведетъ къ ненавистнымъ Каткову свободнымъ европейскимъ порядкамъ. Чѣмъ гласно судить рабочихъ, лучше уничтожить самую промышленность, закричалъ онъ въ своей газетѣ. Объ уничтоженіи промышленности онъ и самъ, конечно, не думалъ, но гласно судить рабочихъ за всякія дѣла, касающіяся стачекъ, съ тѣхъ поръ перестали.

Послѣ освобожденія крестьянъ наши суды были устроены по образцу европейскихъ и въ общемъ были хорошими, справедливыми судами. Но постепенно оказывалось, что при самодержавіи справедливый, гласный, равный для всѣхъ судъ годится не для всѣхъ дѣлъ и не для всѣхъ лицъ, что многихъ нельзя судить во всеулышаніе, а нужно молча расправляться съ ними своими административными средствами. Нельзя судить писателей и издателей за непріятныя правительству статьи, а нужно безъ разговоровъ уничтожать газеты и журналы; нельзя судить социалистовъ, потому нельзя стало судить и рабочихъ, сопротивляющихся фабрикантамъ. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ мѣстъ уничтожены мировые суды, которымъ слишкомъ часто приходилось разбирать и

рѣшать по закону дѣла между господами и прислугой, между помѣщиками и ихъ батраками. Теперь на мѣстахъ мировыхъ судей сидятъ земскіе начальники, для которыхъ законъ не писанъ. По-немногу выяснилось для правительства, что сколько нибудь справедливо въ Россіи можно судить только воровъ и обыкновенныхъ убійць. Всѣ остальные оказывались не преступниками, а людьми, интересы которыхъ нарушаются существующими порядками, защищаемыми самодержавнымъ правительствомъ. Если этихъ людей судить по справедливости, то виноватымъ такъ или иначе окажется само же правительство. Послѣ суда надъ морозовскими стачечниками, къ числу людей, интересы которыхъ противоположны интересамъ самодержавнаго правительства, были причислены и фабричныя рабочіе. Ихъ перестали гласно судить и начали молча расправляться съ ними, какъ съ врагами. Около того же времени запрещено также печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, рассказывавшихъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ, и смѣщены тѣ инспектора, которые слишкомъ заботились о раскрытіи злоупотребленій фабрикантовъ.

Но правительство поняло, однако, что одной безсудности и безгласности все-таки мало для полного устраненія „рабочаго вопроса“. Къ этимъ всегдашнимъ своимъ средствамъ оно прибавило законъ 1886 г. Въ „отчетѣ Государственнаго Совѣта“ за 1886 г. прямо говорится, что слѣдствіе по дѣлу о

волненіяхъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ Владимірской и Московской губерній раскрыло такія дурныя стороны нашихъ фабричныхъ порядковъ, которыя неизбѣжно вызываютъ со стороны рабочихъ постоянное недовольство, склонность къ стачкамъ и безпрядкамъ и „воспримчивость къ преступнымъ ученіямъ, направленнымъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго порядка“, и что для устраненія всего этого въ будущемъ, необходимо законъ, регулирующий взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими*).

Всѣ эти мѣры для изгнанія изъ Россіи „рабочаго вопроса“ на видъ какъ будто и помогли. Тѣмъ кто не хотѣлъ слышать о тяжеломъ положеніи рабочихъ и объ ихъ волненіяхъ, можно стало не слышать. Подпольнымъ путемъ, правда, тѣ, кому это было интересно, узнавали, что то тутъ, то тамъ продолжались стачки и фабричныя безпорядки, распространяясь и усиливаясь съ каждымъ годомъ, но гласныхъ слѣдствій о нихъ не производилось, въ газетахъ они едва упоминались, входить въ подробности было запрещено.

Зажавши ротъ всѣмъ, кто могъ бы говорить, а самому себѣ — уши, правительство надѣялось отмолчаться отъ „рабочаго вопроса“. А между тѣмъ, онъ дѣлалъ громадныя успѣхи, приготавливаясь къ новому, уже окончательному водворенію въ русской землѣ. Промышленность росла все быстрее,

*) Эти отчеты не публикуются, но ученымъ профессорамъ позволено иногда въ нихъ заглядывать.

число рабочихъ увеличивалось, среди нихъ именно въ послѣдніе десять лѣтъ обнаружилось огромное желаніе знать, понимать, учиться во что бы то ни стало. Эта жажда знанія росла не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, откуда пополнялись ряды рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, за послѣдніе 5-6 лѣтъ, шла дѣятельная пропаганда: среди рабочихъ приготовлялись знающіе люди, „студенты“, какимъ былъ Мосеенокъ. До чего разрозня уже „рабочій вопросъ“, въ то время, когда его продолжали еще замалчивать, до чего необходимы стали рабочимъ гласность и объединеніе, показываетъ огромный, внезапный ростъ рабочаго движенія въ Петербургѣ за какой-нибудь одинъ годъ. Осенью 1895 года основался „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, и уже зимой „рабочій вопросъ“ стоялъ передъ правительствомъ во весь ростъ, а въ началѣ лѣта 1896 г. о русскомъ рабочемъ движеніи заговорилъ весь міръ.

И что же дѣлалъ вначалѣ этотъ „Союзъ борьбы“? Онъ записывалъ подъ диктовку рабочихъ всякія подробности злоупотребленій со стороны хозяевъ, всякія злыя хитрости и обманы насчетъ расцѣнокъ, вычетовъ, браковки, растягиванія безъ конца рабочаго дня, — печаталъ это все въ своихъ листкахъ и распространялъ среди рабочихъ, приглашая ихъ защищаться отъ такихъ фабричныхъ порядковъ, которыхъ не могъ бы не признать дурными и самъ Государственный Совѣтъ, какъ при-

зналъ таковыми порядки, обнаруженные слѣдствіемъ по дѣлу о стачкѣ 1885 г. Кромѣ того, „Союзъ“ раскрывалъ нарушенія фабричныхъ порядковъ, случавшіяся даже на казенныхъ заводахъ, и тоже объявлялъ о нихъ въ листкахъ. Все это такія дѣла, которыя, при другомъ правительствѣ, дѣлались бы сами собою, посредствомъ газетъ и судовъ, а при существованіи открытыхъ, законныхъ союзовъ невозможны были бы ни нарушенія законовъ, ни злоупотребленія со стороны фабрикантовъ. У насъ дѣлать это необходимое, законное дѣло пришлось членамъ тайнаго общества, и правительство неустанно преслѣдовало ихъ, моря по тюрьмамъ и отправляя въ ссылку всѣхъ, кого заподозривало въ принадлежности къ „Союзу“.

Въ законъ 1886 г. цѣликомъ вошли, какъ мы знаемъ, нѣкоторыя изъ требованій морозовскихъ стачечниковъ. Можно сказать, слѣдовательно, что Мосеенокъ съ товарищами помогали самому Государственному Совѣту въ его законодательной дѣятельности, и за это, какъ мы тоже знаемъ, были отправлены въ ссылку. Члены „Союза борьбы“ своими листками и послѣдовавшимъ объединеніемъ рабочихъ подготовили громадныя и дружныя петербургскія стачки, приведшія къ изданію закона, сокращающаго рабочій день (законъ 2-го іюня 1897 года). Они сдѣлали великое дѣло, полезное для рабочихъ всей Россіи. И само правительство, издавая законъ, признало, что дѣло было дѣйствительно полезное, но изъ тѣхъ, кто его дѣлалъ, оно аре-

стествовало вѣсѣхъ, кого только съумѣла схватить полиція. Иначе и не можетъ поступать самодержавное правительство. Тѣмъ-то оно и самодержавно, что издаетъ законы (а чаще всего дѣйствуетъ безъ законовъ) не по высказанному желанію населенія, какъ это дѣлается въ свободныхъ странахъ, а по собственному произволу. „Союзъ Борьбы“ помогъ рабочему населенію выяснитъ и высказать свои ближайшія требованія, а стачки вынудили хозяевъ и правительство исполнитъ нѣкоторыя изъ этихъ требованій. Правительство издало хорошій законъ, но тѣмъ самымъ нарушило свои самодержавныя правила. Въ этомъ виноваты члены „Союза“; тѣмъ самодержавнѣе надо поступитъ съ ними. Но это не все. Какіе бы хорошіе фабричныя законы ни издавало правительство, они не помогутъ, если рабочіе не будутъ постоянно насторожѣ. Если бы рабочіе задремали, положившись на заботы правительства, хозяева придумали бы вмѣсто однихъ запрещенныхъ злоупотребленій сотни доугихъ. Нѣтъ конца краю хитростямъ, посредствомъ которыхъ можно обирать рабочихъ, если они не сопротивляются. А къ тому же нѣтъ такого закона, полезнаго для крестьянъ или рабочихъ, котораго сильнымъ міра сего нельзя было бы обойти въ нашей самодержавной, т. е. безсудной, безгласной и безправной странѣ. Уже для того одного, чтобы законы приносили пользу, рабочіе должны сохранить свои союзы и свои листки. Имъ необходимо объединяться все шире и шире для отстаиванія своей

заработной платы, они сами чувствуют, наконец, что имъ нужно учиться, и не тому одному, что преподается въ казенныхъ школахъ. Для всего этого рабочимъ нужна вѣрная служба преданныхъ товарищей. Все это могутъ хорошо исполнять только самые лучшіе, самые знающіе и самые смѣлые люди. Ихъ вѣрная служба товарищамъ необходима, но правительство будетъ ихъ наказывать за нее.

„Я за всѣхъ, или всѣ за меня?“ крикнулъ товарищамъ арестованный Волковъ. „Всѣ, всѣ!“ отвѣчали товарищи и старались исполнить свое обѣщаніе: ходили къ начальству, требовали, чтобы возвратили имъ „Ваську, — нашего человѣка“, но ничего не добились, и поплатился Васька за свою вѣрную службу. Сотни „своихъ людей“ платятся теперь за „всѣхъ“, за то, что помогли рабочему классу добиться сокращенія рабочаго дня, за то, что учили его тому, что сами узнали, за всякую другую, необходимую для рабочихъ службу. И нѣтъ того полезнаго трудящемуся люду дѣла, за которое не пропадалъ бы тотъ, кто его дѣлаетъ. Такъ будетъ и впредь, пока рабочій классъ не сдѣлается достаточно силенъ, чтобы не давать въ обиду своихъ вѣрныхъ товарищей, пока Россія не сдѣлается свободной страной. А пока этого нѣтъ, рабочіе должны всячески оберегать товарищей, дѣлающихъ необходимое для всѣхъ дѣло, всѣми силами помогать имъ, не забывать ихъ ни въ тюрьмахъ, ни въ ссылки и всегда помнить, что уже

для того одного они должны объединиться, бороться, учиться, чтобы какъ можно скорѣе стать такою силой, которая властно потребуетъ освобожденія „своихъ людей“, „пропадающихъ за всѣхъ“ и уже не получить отказа, какъ получили его товарищи Волкова.

В. Засуличъ.
